

УДК 005.44 : 008 : 82

СОВРЕМЕННЫЙ МИР: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА

А. А. Долгова

Тверской государственной университет
кафедра культурологии

В статье ставится задача рассмотреть процесс глобализации в междисциплинарном аспекте, делая акцент на глобализационных процессах в культуре в целом и в литературе в частности. Показано, что процессы глобализации оказывают самое непосредственное влияние не только на искусство, литературу, культуру, но и на сами институты гуманитарных наук, на предметы и методологию их исследования, ставя под вопрос их существование в прежнем виде.

Ключевые слова: *глобализация, глобализация в культуре, глобализация в литературе.*

На пороге XXI века перед человечеством все острее встают вопросы: куда мы идем, где мы сейчас и каковы вообще перспективы развития земной цивилизации.

Используя экономические показатели, политики и экономисты ранжируют страны по степени их «прогрессивности», начисто отменяя такие неотъемлемые характеристики человеческого бытия, как нравственность, самобытность культуры, или обуславливая их экономическим и политическим развитием.

Процесс глобализации, несомненно, оказывает самое непосредственное влияние не только на искусство, литературу, культуру, но и на сами институты гуманитарных наук, на предметы и методологию их исследования, ставя под вопрос их существование в прежнем виде, и ведет объективно к междисциплинаризации знания, к тому, что сегодня уже нельзя писать о той же литературе, не разбираясь в социологии, философии культуры, истории, антропологии или даже экономике. Однако во многих гуманитарных науках, и в том же литературоведении, сам термин глобализация, как и исследование ее многостороннего воздействия на культурный или литературный процесс, получает признание сравнительно медленно. Само по себе это странно, ведь институт письменности и, позднее, литературы весьма активно содействовал процессам модернизации и глобализации. Важный момент, уже на раннем этапе связывавший процессы глобализации со сферой словесности и, позднее, литературы, это, несомненно, изобретение книгопечатания в середине XV в., своего рода аналог цифровой революции в XX веке, о чем неоднократно писали многие исследователи [14, с. 23].

Теоретическая и критическая рефлексия у нас, к сожалению, не всегда идет в ногу с искусством, литературой, культурой. Отсюда отсутствие адекватной терминологии и понятийного аппарата. С другой стороны, очень редко глобализация получает толкование применительно к сфере литературы,

искусства и рефлексии о них в самих дискурсах глобализации – как апологетических, так и критических. Этому есть простое объяснение. Для приверженцев теорий глобализации, к примеру, наука о литературе – это не более чем пережиток прошлого, контекстуально обусловленный западноевропейским локалом, просветительскими и, позднее, позитивистскими идеологиями, определенной социополитической системой. Смена или (в некоторых случаях) отмена практически всех элементов, в свое время приведших к созданию литературоведения как науки, – от модели нация – государство и дискурсов национальной традиции, языка, этноса, до понятия мировая литература, – по необходимости приведет, согласно этой логике, к быстрому исчезновению самой дисциплины литературоведения в эпоху глобализации. Литература же, если она не исчезнет, вполне в русле успешных канонизироваться в ускорившемся темпе конца XX века культурно-критических представлений, становится интересной только как продукт и симптом культуры и определенных идеологических практик [3, с. 46].

Исследователь Р. Недерсоль отмечает справедливо угрозу глобализации самому институту литературоведения [18, с. 646]. Он вынужден признать, что за последние десятилетия XX века кафедры национальных литератур ведущих мировых университетов стремительно закрывались и сокращались по всему миру, в то время как количество междисциплинарных гуманитарных научных институтов и групп культурологического, социологического уклона столь же стремительно росло. И это тоже знак глобализации.

Для российского научного сообщества осмысление процессов современной культуры и литературы, где проявления глобализации воспринимались бы не только сугубо отрицательно, но и конструктивно, пока не характерно. Резко негативное отношение к глобализации объясняется своего рода отторжением любого универсалистского проекта, поскольку всем еще памятли советские глобальные претензии на овладение будущим.

Говоря о глобализации, которую мы наблюдаем сегодня, нужно отметить, что для взаимодействующих обществ она создает такие последствия, которых не было прежде. Для каждого из участников этого процесса возрастает потребность и значимость адекватного понимания происходящего, то есть требуется аутентичное восприятие тех ценностей и смыслов, которые стоят за происходящим и транслируются в процессе взаимодействия [9, с. 44]. Взаимное развитие культур в процессе глобализации происходит не всегда и тем более редко случается автоматически. Свойство взаимного развития культур не имманентно глобализации как таковой.

Что в связи со сказанным можно сказать о российских реалиях?

Может быть, одним из наиболее ярких примеров проявления глобализма в российской истории стало распространение марксизма как германо-английского по своему происхождению явления во второй половине XIX – первой половине XX столетия [4, с. 29]. Зародившись в экономике и философии, марксизм в форме мировоззрения постепенно распространился на смежные области гуманитарного знания. Особенностью его развития в России было то, что с самого начала оно было встроено в контекст больших политических задач, которые ставили перед собой его русские адепты

[8, с. 56]. Превратившись на русской почве из доктрины в идеологию, а затем и в государственное мировоззрение в форме ленинизма и сталинизма, марксизм не мог не привести к перетолкованию и искажению значительной части русского культурного наследия. В полной мере это относилось к традиционной отечественной форме философствования – философствования литературного, к значительной части его совокупного смыслового и ценностного содержания. Идеологически обосновав многие прежде отвергаемые русской мыслью идеи, в том числе идеи достижения счастья одной частью общества посредством угнетения и даже уничтожения других его частей, марксизм должен был позаботиться и о проекте создания нового человека с новой самоидентификацией [10, с. 93]. Для этого, наряду с созданием после Октябрьского переворота собственной – пролетарской – литературы как одного из важнейших средств формирования нового самосознания личности, была поставлена и задача идейного перетолкования классического наследия. При этом то, как ранее было обозначено, этапы поглощения «обществом-донором» культуры «общества-реципиента» в случае утверждения марксизма в России совершалось не последовательно, а параллельно [11, с. 102]. Изначально присущим смыслам и ценностям классической русской культуры либо придавалось иное содержание, либо в них смещались акценты, либо искусственно снижалась их востребованность, либо они вовсе вытеснялись на обочину информационного культурного пространства с дальнейшим неизбежным забвением. Примером последнего могут служить не только насильственно высланные из страны или физически уничтоженные писатели и философы, но и созданные властью «белые пятна» – спрятанные под замок литературные и философские тексты, которые не переиздавались, а изданные ранее запрещались.

Так, например, изначально развивавшийся в русской литературе мировоззренческий смысл и ценность утверждения «человек всегда должен быть целью, но никогда средством для другого человека», впервые сформулированный А. С. Пушкиным в повести «Пиковая дама» [11, с. 102], были заменены на идею «человек – строительный материал и средство для государства, созидającego коммунизм» [11, с. 103]. Одним из многочисленных воплощений этой идеи стал, в частности, роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Другой смысл, который несла с собой русская литература и культура, гласивший, что «критерий моральности человека — соответствие заповедям и ценностям христианства» [11, с. 102], был заменен на смысл «морально то, что отвечает интересам пролетариата» [11, с. 104].

Переработка марксизмом выработанного русской культурой мировоззренческого содержания осуществлялась не только средствами литературы, но и возникшим в начале XX в. новым массовым искусством – кинематографом, огромные пропагандистские возможности которого были сразу и в полной мере оценены советскими властями [15, с. 153].

Влияние глобализации, распространяясь на мир культуры, вызывает процесс формирования глобальной культуры. Результат серьезных изменений не замедлит сказаться на общем состоянии цивилизации, на появлении новых культурных форм. При этом, желая того или нет, каждая культура постепенно

оказывается под воздействием глобализационных процессов и не в силах преодолеть происходящее [6, с. 7].

Культура – это универсальный аспект развития, а обновление общества – это не только изменение политики, экономики или технологий, но и его культуры. Для того чтобы сопрягать культуру и развитие, необходимо ее широкое восприятие как своего рода системы «правил игры» или «социальных конвенций» коллективного существования и взаимодействия людей [12, с. 154]. Эти правила существуют в весьма специфической форме, в самых разных проявлениях. Они воплощаются в искусственных объектах, выражаются в способах жизнедеятельности, ценностных системах, традициях, верованиях, то есть в комплексе духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных черт, которые характеризуют конкретное общество. В процессе общественного развития происходит их существенное обновление и передача в новом виде следующему поколению.

Что же представляет собой глобальная культура? Прежде всего, необходимо отметить, что вряд ли глобальную культуру можно назвать культурой в полном смысле этого слова. Исследователи ссылаются на то, что «крайне трудно идентифицировать интегрированную глобальную культуру без сформировавшегося мирового государства», скорее, можно ставить вопрос о глобализации культуры [8, с. 58].

Процессы глобализации при этом видятся в разнообразных формах. Некоторые из них тесно связываются с изменениями жизни национальных государств в новых условиях, другие – с обменом товарами, людьми, информацией, знаниями и образами, что создает основу для процессов коммуникации, приобретающих на глобальном уровне значительную автономию. Бинарная логика рассмотрения культуры через такие оппозиции, как гомогенность – гетерогенность, интеграцию – дезинтеграцию, единство – разнообразие, уже не видится актуальной. Тем не менее, те исследователи, что признают мощную силу культурной гомогенизации, рассматривают глобальную культуру именно как особую, порожденную средствами медиа космополитическую, коммерциализованную и однородную культуру, отделенную от локальных культур. Она функционирует на нескольких уровнях, в том числе в качестве источника стандартизированной продукции, обобщенных человеческих ценностей, интересов и единообразного образа мыслей. Иногда картина глобальной культуры рисуется более тонко, она рассматривается как своего рода переключатель кодов между культурами, и ее главенствующая роль не выделяется. Наиболее же актуальным и современным представляется не противопоставление новой глобальной и старых национальных культур, а их взаимодействие как общего и частного [7, с. 22].

Выработка спектра возможностей дальнейшего выживания человеческого сообщества и его развития напрямую связана с существованием множества культур, являющихся выражений творческого потенциала человечества, а также культурных различий в современном мире. Нивелировка различий и приведение всех и вся к единому стандарту вызывает разрушительные явления на разных уровнях общественной жизни. Разнообразие же культур составляет необходимый запас общественной

прочности, свидетельствует о противостоянии энтропийным процессам и существовании в обществе инновационного потенциала [13, с. 11].

Важнейшим принципом, позволяющим поддерживать «единство многообразия» [16, с. 53], является принцип равенства, означающий, что в культурном развитии не существует шкалы оценки культуры или иерархии культур.

Подходя к любой проблеме с позиций равенства, бережного отношения к ее уникальности, в то же время нельзя не отметить большой зависимости развития той или иной культуры от наличия необходимых ресурсов. Недостаток ресурсов вызывает опасность ее деформации во время интенсивных межкультурных взаимодействий. В то же время принцип равенства культур способен обернуться несправедливостью, если он не скорректирован правом «компенсировать» неравенство в условиях крутых общественных перемен. В случае негармоничных взаимосвязей локального и глобального характера, мешающих процессам всеобщего гармонического развития, должны быть приняты меры, защищающие культурную идентичность.

В становлении новой глобальной системы значительно повышается роль диалога как важнейшего фактора культурного развития, который должен стать основой связей между народами и универсальным способом выработки общих ценностей и интересов. Человечество становится «единством многообразия» во всех основных измерениях, к которым относится и культура. М. С. Каган подчеркивает, что на рубеже тысячелетий, «когда развитие цивилизации сделало невозможным глобальное применение силы и насилия для решения основных противоречий бытия человечества без угрозы его самоуничтожения, у него не остается иного выбора, кроме диалогического способа связей человека с человеком... Именно диалог есть средство обретения этого единства» [2, с. 131].

Важнейшим резервом социокультурного многообразия являются этнокультурные различия. Этот вопрос заслуживает сегодня самого пристального внимания, так как противоречивость модернизационных процессов необычайно обостряет групповое, в первую очередь этническое, сознание. Специалисты считают, что этносоциальный фактор грозит в ближайшее время заслонить собой все другие проблемы общественного развития – социальные, экономические, духовные. Вернее, последние будут проявлять себя в национальной окраске, в *этнической упаковке* [17 с. 54].

Механизмы возникновения и разрешения этнических противоречий достаточно сложны и укоренены в самой социокультурной сути этнических отношений. В современных исследованиях этническая общность предстает как особая культура со специфической картиной мира, которая играет роль своеобразной призмы, преломляющей все события и явления жизни человека. В этой картине мира изначально заложено противопоставление *мы – они*, постоянно присущее этническим взаимоотношениям. Каждая культурная общность осознает себя таковой только в противопоставлении с другими. Именно в противостоянии другим этническая группа всегда укрепляла свое единство, часто нуждалась и нуждается сегодня в потенциальном противостоянии для поддержания процессов, обуславливающих

формирование этнической идентичности. Это не отрицает возможности взаимодействия этнических культур, а лишь подчеркивает внутреннюю противоречивость данного явления. В процессе эволюции этносы будут претерпевать значительные изменения – очевидно, что традиционные культуры не могут сохраниться в неизменном виде и налицо процесс интенсивной адаптации к современным условиям. В русле определенной традиции, которую можно рассматривать как устойчивую систему норм, ценностей, образцов, происходит отбор, интерпретация всей необходимой информации, трансляция жизненного опыта от поколения к поколению.

По отношению к инновациям традиция выполняет функцию селективного механизма. Благодаря ей из инноваций отбираются только те, что не оказывают разрушительного действия на этноспецифичные черты. Кроме этого, новый опыт при интеграции в культуру этнической группы наделяется с помощью механизма традиции культурно специфическими чертами [5, с. 121]. Таким образом, происходит отбор тех элементов, которые могут придать обществу устойчивость. А. П. Назаретян подчеркивает: «В процессе глобализации социального бытия человечество не может себе позволить такую роскошь – сохранять в комплексе освященные традицией ценности и нормы... Жизнь заставляет тщательно отбирать ценные элементы, освобождая их из прежнего контекста, включая их в новые мировоззренческие системы, нацеленные на то, чтобы объединять людей, не противопоставляя их друг другу» [5, с. 139]. При этом возникает сложный вопрос: что происходит с разнообразием в процессе развития, увеличивается оно или нет? Такого рода проблемы исследователь объясняет, ссылаясь на закон об иерархических компенсациях, выведенный Е. А. Седовым: «рост разнообразия на высших уровнях обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях» [5, с. 102].

Международное сообщество уже сегодня пытается разработать новую глобальную систему ценностей, которая была бы новой «всеобщей этикой» [17, с. 52], способствовала укреплению связей между людьми в условиях противостояния растущей однородности, с одной стороны, и фрагментации, часто приводящей к возникновению чувства этнической исключительности, с другой.

Переход на иной уровень взаимодействия этнических общностей должен возникнуть как синергетический эффект от предпринимаемых людьми усилий в различных сферах. Среди механизмов, которые могли бы обеспечить это стратегический процесс, необходимо различать механизмы двух типов. Во-первых, это политическое урегулирование этнокультурных конфликтов. Оно связано с видением нации как гражданского государства поликультурного состава, в котором запрещена дискриминация этнических групп и политика направлена на предотвращение мобилизации этнокультурного фактора в корыстных целях, на реализацию роли меньшинства в национальной жизни. В таком государстве эффективно защищаются культурные права человека, вырабатываются новые подходы к культурной политике, которая должна быть основана на признании культурного своеобразия и культурной самобытности народов. Большое значение придается конкретным усилиям, связанным с

разрешением реальных конфликтов, и тем технологиям, которые необходимо применять для терапии конфликтов.

Необходимость механизмов другого рода (и это, во-вторых) определяется спецификой сегодняшнего дня, когда мир вступает новую фазу своего развития: достижения высокого уровня инструментального интеллекта влечет за собой необходимость полного исключения, а не упорядочивания насилия, ибо даже и «упорядоченное» насилие ведет к неконтролируемым последствиям. «Включающий в себя насилие (пусть и упорядоченное) социальный порядок может легко трансформироваться в глобальный хаос. Новый виток развития вплотную подвел человечество к задаче устранения насилия как такового... тест на разнообразие становится тестом на терпимость и уважение» [10, с. 11].

Насколько тонка эта сфера, можно убедиться, следуя выводам Т. А. ван Дейка – одного из исследователей проблем социального контекста функционирования языка. Он показывает, что в бытовой жизни «новые отдельно взятые (частные) этнические ситуации интерпретируются как функциональные корреляты общих моделей, которые построены и истолкованы на основании предшествующего опыта и под влиянием общих, стереотипных социальных установок. Для этнически предубежденно настроенных новые этнические ситуации получают, как правило, негативную оценку из-за превалирующего "негативного" содержания общих моделей и установок» [1]. Исследователь делает вывод о том, что негативная модель может воспроизводиться в стереотипных стандартах, в частности, в сообщениях прессы, благодаря чему «обобщение частных моделей может подтвердить существующие этнические установки и управлять интерпретацией новых ситуаций» [1]. Повседневное речевое общение являются важнейшим каналом формирования этнических предубеждений и может рассматриваться как механизм распространения бытового шовинизма, которому свойственны боязнь и неприятие всего непривычного, возникающие из-за несовпадения мнений и действий в конкретных ситуациях, в том случае, если человек может выйти за рамки повседневной жизни и увидеть мир по-иному, что, в первую очередь, требует кропотливой образовательной работы.

Важные социокультурные предпосылки для решения этнических вопросов обеспечивает последовательная культурная политика, которая способна создать естественные условия для самоорганизации культурно-самобытных форм, свободного культурного саморазвития народов, дифференцированного подхода к культуре этнических групп, развитию тех культурных компонентов, которые имеют самое существенное значение для межэтнических взаимодействий.

Список литературы

1. Дейк, Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация [Электронный ресурс] / Т. А. ван Дейк. – Режим доступа: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3393847>. – Дата обращения: 11.01.2013. – Загл. с экрана.
2. Каган, М. С. Философия культуры [Текст] / М. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1996. – 131 с.
3. Леонард, М. XXI век – век Европы [Текст] / М. Леонард. – М. : АСТ, 2006. – 256 с.
4. Макуев, Р. Х. Современная стадия глобализации: пределы трансформации и устойчивости государства [Текст] : монография / Р. Х. Макуев. – Орел : ОГУ, 2010. – 290 с.
5. Назаретян, А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры : Синергетика исторического процесса [Текст] : курс лекций / А. П. Назаретян. – М. : Наследие 1996. – 193 с.
6. Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации [Текст] // Государство и право. – 2005. – № 4. – С. 7–8.
7. Нгуен Ван Бинь. Глобализация как закономерность мирового развития [Текст] / Нгуен Ван Бинь // Безопасность Евразии. – 2005. – № 1. – С. 21–22.
8. Общие закономерности глобализации и субъекты федерации [Текст] // Государство и право. – 2010. – № 6. – С. 55–59.
9. Глобализация [Текст] : учебник ; под ред. В. А. Михайлова, В. С. Буянова. – М. : РАГС, 2008. – 543 с.
10. Орлова, Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию [Текст] / Э. А. Орлова. – М. : Академический проект, 1994. – 151 с.
11. Скатов, Н. Н. Русская литература в эпоху глобализации // Литературная учеба – 2010. – №4. – С. 102–104.
12. Основы политической социологии [Текст] ; под общ. ред. Ж. Т. Тощенко. – М. ; Н. Новгород : 1998. – 250 с.
13. Тагиров, Э. Р., Тронова Л. С. Конфликты в обществе : от противостояния к согласию [Текст] / Э. Р. Тагирова, Л. С. Тронова. – Казань, 1996. – С. 11–13.
14. Турен, А. Возвращение человека действующего : Очерк социологии [Текст] / А. Турен. – М. : Научный мир, 1998. – 204 с.
15. Флиер, А. Я. Культура как смысл истории [Текст] / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 1999. – №6. – С. 150–159.
16. Чешков, М. Взгляд на глобализацию через призму глобалистики [Текст] / М. Чешков // Мировая экономика и мировые отношения. – 2001. – № 2. – С. 52–56.
17. Хозин, Г. С. Глобализация международных отношений : объективная тенденция или стратегия США [Текст] / Г. С. Хозин // США – Канада. Экономика, политика, культура. – 2000. – №1. – С. 65–79.
18. Nethersole, R. Models of globalization [Текст] / R. Nethersol // PMLA. – 2001. – Vol. 116. – 646 p.

MODERN WORLD: GLOBALIZATION AND CULTURE

A. A. Dolgova

Tver State University
The department of culturology

This article seeks to examine the process of globalization in an interdisciplinary perspective, focusing on the processes of globalization in culture and literature in particular. It is shown that the processes of globalization have a direct effect not only on art, literature, and culture, but also on the institutions of humanities subjects and methodology of the study, calling into question their existence in its present form.

Keywords: *globalization, globalization in culture, globalization in literature.*

Об авторах:

ДОЛГОВА Анжелика Алексеевна – соискатель кафедры культурологии Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33).